

УДК 244

<https://elibrary.ru/oqjwjd>

КОМПОЗИЦИОННО-СМЫСЛОВОЙ АНАЛИЗ ПРАВОСЛАВНОГО ЧИНА ПАНИХИДЫ

Священник Анатолий Витальевич Жилин
магистрант II курса Тамбовской духовной семинарии, направление подготовки 48.04.01 «Теология», профиль «Русская духовная словесность»
392000, Россия, г. Тамбов,
ул. М. Горького, д. 3
E-mail: anatoliy.zhilin1995@mail.ru

Для цитирования: Жилин А. В., священник. Композиционно-смысловой анализ православного чина панихиды. DOI: 10.51216/2687-072X_2023_1_177. EDN: OQJWJD // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2023. № 1 (22). С. 177–191.

Аннотация

В статье рассмотрена логическая структура православного чина панихиды. Объектом исследования выступают формы молитвословий, входящие в структуру панихиды, используемой в повседневной практике. При помощи структурно-семантического анализа рассмотрена система взаимосвязанных словесных образов в заупокойном богослужении, раскрыты семантические связи его композиционных частей.

Рассмотрев историю становления чинопоследования, автор приходит к выводу, что культура и базовые категории «жизни» и «смерти» находятся в тесной взаимосвязи. Понимание смысла смерти в каждой конкретной культуре раскрывается через осознание цели человеческой жизни. Распятие и Воскресение Христа изменили отношение к жизни и смерти. Земной путь ранних христиан проходил в ожидании всеобщего воскресения.

В статье подчеркивается, что идея Воскресения Христа (победы над смертью) присуща всей раннехристианской культуре. Смерть личная рассматривается через призму Христовой смерти, следовательно, и воскресение всех усопших находится в той же парадигме. Этим обусловлено довольно позднее выделение панихиды в отдельный заупокойный чин (в IX–X вв.), а современный вид чинопоследования приобрело в 1652–1666 гг., при Патриархе Никоне.

Ключевые слова: чин панихиды; заупокойное богослужение; категории «жизни» и «смерти»; усопшие; поминовение.

Введение

В культуре каждого народа существуют свои традиции проводов усопшего в последний путь. По словам протопресвитера Александра Шмемана, «невозможно искусственно отделить смерть от культуры, ибо культура – это в первую очередь видение и понимание жизни, “мировоззрение” и потому, по необходимости, и понимание смерти» [1, с. 26–27]. Таким образом, осознание цели человеческой жизни находится в прямой зависимости от отношения общества к смерти.

Исследуя базовые категории русской традиционной духовной культуры, Т. И. Веди́на приходит к выводу, что «ценностно-смысловое содержание жизни и смерти значительно шире их биологического содержания, ибо обе категории нагружены культурными смыслами, являясь едиными в своей основе формами проявления одной сущности – бытия» [2, с. 23]. Довольно часто к христианскому учению о бессмертии души народ примешивал отголоски языческих представлений о смерти и жизни. На этой почве сложились так называемые народные обычаи и похоронные обряды. К примеру, родственники усопшего открывали окна, чтобы душа «не заблудилась»; ставили стакан с водой и хлебом «для пропитания» души; с порога провожали душу усопшего маханием платка на 40-й день и так далее.

Заблуждением является также, когда «родственники усопшего ограничиваются только внешней стороной поминовения» [3, с. 88]. На это указывает профессор А. И. Осипов. Такое поминовение он называет формальным, т.е. «языческим отношением к молитве» [3, с. 88]. Кроме словесной молитвенной оболочки, необходима работа сердца. В Типиконе содержится прямое указание поминающим: не возлагать все только на священника, но и самим молитвенно поминать своих близких, как живых, так и усопших [4, с. 216]. Необходимо, как пишет святитель Феофан Затворник, «поболеть пред Господом душою о тех, коих поминают на молебне» [5, с. 102]. По утверждению А. И. Осипова, «Духа Святого нельзя заставить помочь человеку “молитвой на воздух”» [3, с. 93].

Из этого следует, что, кроме внутреннего и внешнего молитвенного сосредоточия, христианину необходимо проводить жизнь духовную, по словам святителя Иоанна Златоуста, «чуждую всякого греха» [Цит. по: 3, с. 93]. Церковь учит, что участь усопших до Страшного Суда остается до конца не определенной, при этом самостоятельно изменить свое положение они не могут, поэтому Церковь молится о них и призывает всех своих чад возносить молитвы за отошедших в вечность.

Принимая во внимание недостаточную воцерковленность большинства людей, именно панихида оказывается тем богослужением, на которое, как известно, собираются всей семьей, а кто-то впервые за многие годы переступает порог храма, чтобы проводить усопшего родственника. Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью определить смысловую структуру заупокойного богослужения и раскрыть ее миссионерский потенциал.

Цель исследования – выявить взаимодействие структуры текста панихиды с её содержанием, которое раскрывается в системе взаимосвязанных словесных образов Ветхого и Нового Заветов.

Объектом исследования является чинопоследование панихиды. Предметом исследования выступает содержательная сторона чинопоследования. В работе использован структурно-семантический анализ.

История чинопоследования панихиды

Панихида – слово древнегреческое (παννυχίς – в русской транскрипции [паннихис]). На русский язык буквально переводится как «всенощное пение», или «всенощная служба». Стоит обратить внимание, что данная лексема состоит из частей: *πᾶς*, *πᾶσα*, *πᾶν* – «весь, целый» и *νύξ*, *νυκτός* – «ночь». Из этого следует, что семантика слова не отражает исключительную принадлежность к заупокойному богослужению, но указывает на продолжительность и время суток. Для уточнения этимологии слова «панихида» целесообразно обратиться к истории древнехристианской Церкви. По причине гонений на первых христиан вся религиозная жизнь верующих по большей части протекала ночью. Как правило, собрание происходило в уединенных местах, где буквально целую

ночь совершали Бескровную Жертву, прославление мучеников, погребение и т. д.

Почему же исследователи отмечают факт молчания древней Церкви по поводу похоронных традиций и поминовений? Протопресвитер Александр Шмеман объяснял это отсутствием у христиан «интереса к смерти, усопшим и их посмертному существованию» [1, с. 69]. У первых христиан было особое отношение к этому понятию. Росписи катакомб свидетельствуют, что 90% из них содержат символы крещения, в частности «рыбаков», которых протопресвитер А. Шмеман рассматривал в качестве опыта «крещения смертью». Он определяет семантику лексемы «крещение» через греческое понятие “*palingenesia*” (от “*palin*” – опять, снова и “*genesis*” – возникновение, зарождение), уточняя, что данное понятие обозначает «рождение в новую жизнь во Христе, в жизнь, над которой смерть не имеет власти» [1, с. 69], ибо «смерть Христа... изменила смерть» [1, с. 53]. То, что первые христиане именно так осознавали свой переход в вечность, подтверждают надписи на древних могилах. Например, эпитафия на могиле молодой христианки: «Она жива!» [1, с. 69]. Идентичное понимание смерти находим в письмах сщмч. Игнатия Антиохийского, адресованных пытавшимся спасти его от мученической смерти: «Не препятствуйте мне жить, не желайте мне умереть. Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустите меня к чистому Свету: явившись туда, буду человеком Божиим» [1, с. 69]. Святой апостол Павел, отвечая на вопрос: «Кто отлучит нас от любви Божией?», ставит «смерть» в один ряд с перечисляемыми им опасностями, выражая уверенность, что никто и ничто не может отлучить любящего от Христа. Здесь же апостол Павел указывает и средство преодоления этих опасностей: «...все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас» (Рим. 8, 35–39). Написав «все сие», апостол еще раз уравнял смерть с другими опасностями, угрожающими христианам.

Вероятно, в период ослабления гонений и в результате ассимиляции христиан в обществе постепенно стало изменяться первоначальное осознание и соотношение категорий «жизни» и «смерти», присущее первым христианам. Довольно поздно, приблизительно в IX или в X веке, возникла потребность упорядочения погребальных песнопений и всенощного бдения с последующим выделением заупокойных молитвословий в отдельный чин. Впервые

молитвы панихиды встречаются в рукописи X века из Синайской библиотеки, а современный вид чина панихиды создается примерно в 1652–1666 годах при Патриархе Никоне. Оформление панихиды в отдельное чинопоследование не означает, что Церковь не молится об усопших за общественными богослужениями суточного круга. «Устав церковный довольно подробно и точно определяет, когда и какие заупокойные моления могут или не могут быть совершаемы», – пишет известный литургист XX века святитель Афанасий Сахаров [4, с. 17]. В то же время, чтобы соборное богослужение не переполнялось без меры заупокойными молитвословиями и поминовениями, Церковь установила нарочито заупокойные последования [4, с. 133], одним из которых является чинопоследование панихиды.

Система взаимосвязанных словесных образов Священного Писания в тексте панихиды

В настоящее время чинопоследование панихиды представляет собой молитвословия и песнопения в единой композиционной форме, состоящей из трех частей, что напоминает своим строением сокращенную утреню. Приведем схему чинопоследования панихиды в пяток вечера в притворе храма по Типикону (глава 14) полностью:

I часть

«Благословен Бог наш...»;

Трисвятое по «Отче наш...»;

«Господи, помилуй» (12);

«Приидите, поклонимся...» (3);

Псалом 90: «Живый в помощи Вышняго...»;

Ектения: «Миром Господу помолимся...»;

Возглас: «Яко Ты еси...», «Аллилуиа», глас 8-й со стихами;

Тропари «Глубиною мудрости...» и «Тебе и Стену, и Пристанище имамы...»;

Кафизма 17 «Блаженни непорочнии...» (разделенная на две статьи);

По первой статьи ектения малая заупокойная;

По второй – тропари по Непорочных с припевом «Благословен еси Господи...»;

Ектения малая;

Седален «Покой, Спасе наш...» и Богородичен «От Девы возсия-
вый миру...»;
Псалом 50.

II часть

Канон Октоиха по гласу;
После 3-й песни ектенія, седален «Воистину суета всяческая...»;
После 6-й песни ектенія, кондак «Со святыми упокой...» и икос
«Сам Един еси Бессмертный...»;
По 9-й песни «Богородицу и Матерь Света...», «Людие: Дуси и
души праведных...» и ирмос 9-й песни.

III часть

Лития;
Трисвятое по «Отче наш...»;
Тропари «Со духи праведных скончавшихся...»;
Ектенія: «Помилуй нас, Боже...», молитва: «Боже духов...»;
Премудрость. Пресвятая Богородице, «Слава Тебе, Христе
Боже...»;
Отпуст: «Воскресый из мертвых...»;
«Во блаженном успении вечный покой...»;
«Вечная память...» [6, с. 249].

Приведенную структуру панихиды можно найти в Типиконе или пособиях по литургике, а воспользоваться ею без сокращений возможно только в Требнике. В церковно-приходских лавках предлагаются издания, в которых панихида напечатана в сокращенном виде, который используется в современном обиходе. В повседневной практике чинопоследование панихиды претерпевает еще большее сокращение, хотя само по себе наименование его, как мы уже изложили выше, подразумевает не краткое исполнение, а «чрез всю ночь совершаемое» [4, с. 163], предназначенное для продолжительной молитвы за усопших. Святитель Афанасий Сахаров подчеркивал, что «ни одно из церковных последований не подвергалось такому сокращению, как молебен и панихида, в особенности последняя» [4, с. 163]. Сравнивая структуру панихиды с другими текстами богослужений, можно констатировать, что она, по замечанию святителя Афанасия Сахарова, «как и молебен, является со-

кращением утрени, с сохранением существенно важных, главным образом, изменяемых частей» [4, с. 163].

В целом структура панихиды представлена определенной последовательностью молитвословий, которые обращены в первую очередь к Богу, потом к Богородице и святым, но смысловое содержание последования дает нам право говорить о его христоцентричности. В чине панихиды Христос является средоточием, центром, единением живых и усопших. «Православная заупокойная служба наилучшим образом выражает христианскую концепцию смерти как перехода от жизни временной к вечной, поэтому погребальные ритуалы носят не столько печальный, сколько трогательно-торжественный характер: в них нет места унынию, отчаянию и безысходности. Скорбь и просветление – вот два чувства, которые находят выражение в молитвословиях и песнопениях, исторически составивших древний заупокойный чин» [7].

Предначинательные молитвы настраивают христианина на общение с Богом, в результате которого происходит Его прославление, восхваление, славословие, прошение о помиловании, призывание Святого Духа. Последующее чтение 90-го Псалма говорит о силе упования живых на Бога, защите от нечистых духов, избавлении от будущих мучений, прославлении в вечном Царствии Божиим. В контексте последования панихиды этот псалом приобретает еще и другое значение: в нем внимание обращено не только на живых, но и на усопших. Святитель Афанасий Сахаров называет Псалом 90-й библейским обоснованием уверенности молящихся о помиловании своих почивших родственников [4, с. 164].

В заупокойной великой ектенье на первых и последних прошениях делается акцент на живых, но в середине, которую составляют восемь прошений, четко излагается просимое для поминаемых, а заканчивается ектеня общим прошением без разделения на живых и усопших. Необходимо также заметить, что великая ектеня не входит ни в одно заупокойное последование, а употребляется только в чиноследовании панихиды [4, с. 164], что нельзя сказать о других частях этого богослужения.

Псаломские стихи (Пс. 65, 5; 101, 13; 134, 13; 24, 13) на «Аллилуиа» торжественно восхваляют Бога. Они напоминают о том, что молящиеся являются блаженными, потому что избраны Богом, а значит, должны помнить об этом и сохранять память об усопших

из рода в род. В следующем тропаре «Глубиною мудрости...» молящиеся обращаются ко Господу и Пресвятой Богородице об упокоении поминаемых, при этом тропарь «Тебе и стену и пристанище имамамы...» в панихиде, так же как и псалом 90, обращен не только к живым, но и к усопшим, то есть Богородица является стеной, пристанищем, молитвенницей и спасением всех уповающих на Неё. Пение этого тропаря на панихиде в две вселенские родительские субботы сближает частное чинопоследование с вселенским поминовением [4, с. 166].

Пение 118 псалма, к сожалению, часто опускают. Этот псалом призван напомнить верующим, что жизненным благом является исполнение закона Господа. Протопресвитер Александр Шмеман считает Псалом 118 «истинным ключом» к пониманию всего богослужения, ибо в нем находится ответ на вопрос: «Что такое смерть Христа?», и именно он раскрывает «спасительный и вечный смысл смерти Христовой» [1, с. 88–89]. Этот псалом также читается на воскресном всенощном бдении, на утрене Великой Субботы и на утрене Лазаревой Субботы. Исходя из этого, встает вопрос об определении специфики его использования в чинопоследовании панихиды. По мнению протопресвитера А. Шмемана, «его функция – отождествить этого конкретного усопшего (брата или сестру, почивших о Господе) с Самим Христом, отождествить его смерть с Его смертью» [1, с. 90–91]. Более того, «каждая смерть – это вход в огромную тишину Великой и Святой Субботы... в утро не вечернего дня Царства Божия» [1, с. 92]. Христианам древней Церкви это было хорошо известно, и именно эту мысль они выражали в надгробных эпитафиях: «Она жива» или «Он жив». Завершают 17 кафизму умиленные прошения от лица усопшего – тропари по непорочных, «которые... “запечатывают” пасхальной радостью смысл смерти и Воскресения Христа» [1, с. 90].

Псалом 50-й предшествует канону. Он, как и вышеупомянутый Псалом 118, занимает особое место во всем богослужении. В нем речь идет не просто о покаянии, а о «радикальной перемене всего видения жизни», «преображении – полном переосмыслении понимания человеком своей жизни» [1, с. 95]. В следовании Псалма 50 за 118-м протопресвитер Александр Шмеман видит исповедание воскресения [1, с. 96]: «Дай мне услышать радость и веселие, и возрадуются кости, Тобою сокрушенные» (Пс. 50, 10).

Вторую часть панихиды составляет канон. В современном исполнении звучат только ирмосы канона 6-го гласа и припевы «Покой, Господи, души усопших раб Твоих...» Как раз такое изложение чинопоследования предлагается в изданиях-брошюрах «Молебен и панихида» или «Последование панихиды». В Требнике канон приводится полностью, каждая его песнь состоит из ирмоса, 4-х тропарей и 4-х припевов. Все 8 заупокойных канонов, которые находятся в Октоихе, весьма многообразны, а их содержательная сторона всегда по-разному передает выразительность чувств и настроение во время молитвы.

Структура канона имеет сакральный символический характер. Так, девять песен канона ассоциируются с «ангельским миром и ангельской хвалой» [8, с. 27]. Лексема «ирмос» (εἶρμος – руль, кормило) «отсылает к образу корабля, который искони является одним из ключевых символов Церкви; следовательно, канон как структура экклесиологичен» [8, с. 27]. В основу ирмосов положены библейские песни: пророка Моисея, матери пророка Самуила – святой Анны, пророка Аввакума, пророка Исайи, пророка Ионы, Азарии, трех отроков, а из новозаветного события включена песнь, посвященная Богоматери. Обращение в каноне к ветхозаветным образам служит примером молитвенного упования на Божественную помощь, задает определенный настрой следующим за ирмосом двум тропарям, которые хотя и не содержат прямого упоминания о ветхозаветных событиях, но по смыслу коррелируют с ними. Тропари канонов имеют важное смысловое наполнение: первый тропарь содержит обращение к мученикам, связывая припев «Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев». Два последующих тропаря включают в себя прошения за умерших перед Господом, Который, зная немощь человека, подает утешение, ибо «Он неизреченно милосерден», «приснотекущий Источник благодати», «весь сладость, весь желание и любовь ненасытная, весь доброта несказанная» [9].

«Далее... в каждой песне на последнем месте обязательно присутствует троичен (на возглас “Слава”). Таким образом, хвала приобретает триадологическое измерение. Наконец, Богородичен с одной стороны замыкает песнь, а с другой – размыкает текст и его смыслы, вводя его в новое человечество, дорогу к которому проложила Дева Мария и, следовательно, являя измерение эсхатона – будущего века» [8, с. 27].

В седалне по 3-й песне и в кондаке по 6-й песне молящиеся просят Человеколюбца упокоить душу в особом месте, где нет страданий, боли, скорби. Икос кондака 8 гласа посвящен воспоминанию о создании человека Богом из земли и последующем возвращении всех смертных в землю. Несомненно, что эта скорбная весть приводит к «надгробному рыданию», но уповающие на Господа обращают эти слезы в ангельскую хвалу Создателя – «Аллилуия!»

Канон завершает вторую часть панихиды, а предначинательные молитвы и тропарь «Со духи праведных скончавшихся...» открывают чин литии, состоящий из тропаря, ектении, отпуста и «Вечной памяти», которые можно совершать отдельно от всей панихиды. На малых и сугубой ектениях священник читает тайную молитву «Боже духов...», а поминовение усопших происходит не по именам, а ограничивается общей формулой: «...яже от века умершия и братию нашу, zde лежащия и повсюду православныя христианы» [10, с. 64]. В молитве отражается торжественная и победоносная пасхальная радость христианской веры по отношению к смерти. «Смерть “попрана”, диавол низвержен, миру дарована жизнь» [1, с. 78]. Заканчивается молитва возгласом, славословием Христа, Который есть «Воскресение, Жизнь и Покой» всех поминаемых. В древние времена эта молитва занимала исключительную роль и «торжественно завершала заупокойную службу» [1, с. 75]. Отпуст на панихиде является последним прошением к Христу как за усопших, так и за живых. В заключение последования возносится моление о даровании усопшим вечного покоя и вечной памяти у Бога.

Заключение

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Одной из самых насущных проблем церковной практики является недостаточное понимание верующими смысла молитв, содержания таинств и церковных обрядов. Для улучшения восприятия молитв и песнопений, составляющих богослужение, необходимо иметь представление о его структурных частях, их логической взаимосвязи, а также о смысловых доминантах, которые, как правило, сконцентрированы в образах Священного Писания Ветхого и Нового Заветов.

2. Структура и содержание чинопоследования панихиды христоцентричны. В молитве «Боже духов и всякия плоти...» звучит пасхальный рефрен: «смерть поправый, диавола упразднивый, живот миру твоему даровавый», и исповедание Христа воскресшего: «Яко Ты еси воскресение, и живот, и покой». Семантика лексемы «покой» метафорична. Она также символизирует победу Христа над смертью. В Ветхом Завете «покой» (отдых) часто отождествляется со смертью. Но во Христе «покой» означает жизнь.

3. Современная структура последования панихиды является синтезом богослужений древней Церкви и поздней заупокойной гимнографии. Макрожанром этого гимнотворчества выступает канон, микрожанры выражены в тропарях, стихирах, седалене, кондаке, иконе.

4. Заупокойное поминовение было установлено для взаимной любви во Христе, молитвенного общения между живыми и почившими. Большая часть содержания заупокойных молитв наполнена ходатайством за усопших. Ходатаями и молитвенниками перед Богом выступают Богородица и святые, то есть Небесная Церковь. В некоторых молитвословиях панихиды прошения о живых и почивших не разделяются, так как «Бог не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20, 38).

5. В деле молитвы о почивших важно внутреннее состояние самого молящегося, а не формальное исполнение внешнего обряда. «Будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах» (1 Пет. 4, 7), – говорит апостол Петр. В церковном уставе есть прямое указание поминающим – самостоятельно молиться об усопших, а не возлагать весь молитвенный труд только на священника.

Список литературы

1. Шмеман А., протопресв. Литургия смерти и современная культура / протопресвитер Александр Шмеман. – Москва : Гранат, 2013. – 176 с. – ISBN 978-5-906456-02-1. – Текст : непосредственный.

2. Вендина, Т.И. Базовые категории русской традиционной культуры (жизнь и смерть) / Т.И. Вендина. – Текст : непосредственный // Категории жизни и смерти в славянской культуре : сборник статей. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2008. – ISBN 978-5-7575-0223-6. – С. 6–24.

3. *Осипов, А.И.* Посмертная жизнь души. Из времени – в вечность : беседы современного богослова / А.И. Осипов. – Москва : Данилов мужской монастырь, 2017. – 223 с. : ил. – ISBN 978-5-89101-606-4. – Текст : непосредственный.

4. *Афанасий (Сахаров), еп.* О поминовении усопших по уставу Православной Церкви / епископ Афанасий (Сахаров). – Санкт-Петербург : САТИСЪ, 1995. – 238 с. – ISBN 5-7373-0080-3. – Текст : непосредственный.

5. *Феофан Затворник, свт.* Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника. Собрание писем. В 8 вып. Вып. 3/4 / святитель Феофан Затворник. – Москва : Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь : Паломник, 1994. – 263 с. – Текст : непосредственный.

6. *Нефедов Г., прот.* Таинства и обряды Православной Церкви : учеб. пособие по литургике / протоиерей Геннадий Нефедов. – 3-е изд. – Москва : Русский Хронографъ, 2004. – 319 с. – ISBN 5-88060-013-0. – Текст : непосредственный.

7. *Коробейникова, Е.А.* Развитие заупокойного чина Православной Церкви как одно из направлений духовной деятельности русских композиторов в XIX – начале XX в. : специальность 07.00.02 «Отечественная история» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Коробейникова Екатерина Анатольевна; Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск, 2004. – 28 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-zaupokoinogo-china-pravoslavnoi-tserkvi-kak-odno-iz-napravlenii-dukhovnoi-deyatelnosti> (дата обращения: 10.01.2023). – Текст : электронный.

8. *Василик, В.В.* Происхождение канона : богословие, история, поэтика / В.В. Василик. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. – 305 с. – ISBN 5-288-04135-0. – Текст : непосредственный.

9. *Феофан Начертанный, прп.* Сборник канонов о усопших восьми гласов / преподобный Феофан Начертанный, епископ Никейский, исповедник. – Текст : электронный // Азбука веры : православный портал. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Nikejskij/sbornik-kanonov-o-usopshih-vosmi-glasov/ (дата обращения: 01.09.2022).

10. Типикон : сие есть устав. В 2 ч. Ч. 1. – Санкт-Петербург : Редакционно-издательское объединение, 1992. – 590 с. – Текст : непосредственный.

Статья поступила в редакцию 26.12.2022.

Статья поступила после рецензирования 15.01.2023.

Статья принята к публикации 26.01.2023.

UDC 244

COMPOSITIONAL AND SEMANTIC ANALYSIS OF THE ORTHODOX RITE OF THE FUNERAL SERVICE

Anatoly V. Zhilin, Priest

Master's Degree Second Year Student

Tambov Theological Seminary

Major – Theology

Area of Study – Russian Spiritual Literature

392000, Russia, Tambov

M. Gorkogo Street

E-mail: anatoliy.zhilin1995@mail.ru

For citation: Zhilin A. V., priest Compositional and semantic analysis of the Orthodox rite of the funeral service DOI: 10.51216/2687-072X_2023_1_177. EDN: OQJWJD // Theological Collection of Tambov Theological Seminary. Tambov, 2023. No. 1 (22). FROM 177–191 pp. (in Russian)

Abstract

The article considers the logical structure of the Orthodox rite of requiem. The object of the study is the forms of prayers included in the structure of the memorial service used in everyday practice. With the help of structural-semantic analysis, the system of interrelated verbal images in the funeral service is considered, the semantic connections of its compositional parts are revealed.

Having considered the history of the formation of rites, the author comes to the conclusion that culture and the basic categories of “life” and “death” are closely interconnected. Understanding the meaning of death in each specific culture is revealed through the realization of the purpose of human life. The Crucifixion and Resurrection of Christ changed the attitude towards life and death. The earthly path of the early Christians was in anticipation of the general resurrection.

The article emphasizes that the idea of the Resurrection of Christ (victory over death) is inherent in the entire early Christian culture. Personal death

is viewed through the prism of Christ's death, therefore, the resurrection of all the dead is in the same paradigm. This is the reason for the rather late separation of the memorial service into a separate funeral rite (in the 9th-10th centuries), and the rites acquired their modern form in 1652–1666, under Patriarch Nikon.

Keywords: memorial service; funeral service; categories of “life” and “death”; deceased; commemoration.

References

1. Schmemmann A., Protopresbyter *Liturgiya smerti i sovremennaya kul'tura* [The Liturgy of death and modern culture]. Moscow, Granat Publ., 2013, 176 p. (In Russian).

2. Vendina T. I. Bazovye kategorii russkoi traditsionnoi kul'tury (zhizn' i smert') [Basic categories of Russian traditional culture (life and death)]. *Sbornik statei “Kategorii zhizni i smerti v slavyanskoi kul'ture”* [Collection of Articles “Categories of Life and Death in Slavic Culture”]. Moscow, Institute of Slavic Studies RAS Publ., 2008, pp. 6–24. (In Russian).

3. Osipov A. I. *Posmertnaya zhizn' dushi. Iz vremeni – v vechnost': besedy sovremennogo bogoslova* [Posthumous life of the soul. From time to eternity: conversations of a modern theologian]. Moscow, Danilov Monastery Publ., 2017, 223 p. (In Russian).

4. Athanasius (Sakharov), Bishop. *O pominoventi usopshikh po ustavu Pravoslavnoi Tserkvi* [On the commemoration of the dead according to the regulations of the Orthodox Church]. St. Petersburg, SATIS Publ., 1995, 238 p. (In Russian).

5. St. Theophan the Recluse. *Tvoreniya izhe vo svyatykh otsa nashego Feofana Zatvornika. Sobranie pisem* [Writings like in the saints of our father Theophan the Recluse. Collection of letters]. Moscow, Holy Dormition Pskov-Caves Monastery, Pilgrim Publ., 1994, issues 3/4, 263 p. (In Russian).

6. Nefedov G., Archpriest. *Tainstva i obryady Pravoslavnoi Tserkvi* [Sacraments and rites of the Orthodox Church]. Moscow, Russian Chronograph Publ., 2004, 319 p. (In Russian).

7. Korobeynikova E. A. *Razvitie zaupokoinogo china Pravoslavnoi Tserkvi kak odno iz napravlenii dukhovnoi deyatelnosti russkikh*

kompozitorov v XIX – nachale XX v. Aftoref. diss. cand. istor. nauk [The development of the funeral rite of the Orthodox Church as one of the areas of the spiritual activity of Russian composers in the 19th – early 20th centuries. Extended abstract of diss. cand. of hist. sci.]. Chelyabinsk, 2004, 28 p. (In Russian). Available at: <https://www.dissercat.com/content/razvitie-zaupokoinogo-china-pravoslavnoi-tserkvi-kak-odno-iz-napравlenii-dukhovnoi-deyatelno> (date of access: 10.01.2023).

8. Vasilik V. V. *Proiskhozhdenie kanona: bogoslovie, istoriya, poetika* [The origin of the canon: theology, history, poetics]. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006, 305 p. (In Russian).

9. St. Theophan Nachertanny. *Sbornik kanonov o usopshikh vos'mi glasov* [Collection of Canons on the departed in eight voices]. *Pravoslavny Portal "Azbuka Very"* [Orthodox Portal "ABC of Faith"]. (In Russian). Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Feofan_Nikejskij/sbornik-kanonov-o-usopshih-vosmi-glasov/ (accessed: 01.09.2022).

10. *Tipikon: sie est' ustav* [Typicon: these are the regulations]. St. Petersburg, Editorial and Publishing Association Publ., 1992, 590 p. (In Russian).

Received 26 December 2022.

Reviewed 15 January 2023.

Accepted for press 26 January 2023.